

«Кавказские» и «русские» полки в начале XIX в. на Кавказе

А.Е. Савельев

Для Отдельного Кавказского корпуса было обычным противопоставление полков, считавших себя «истинно» кавказскими (Апшеронский, Куринский, Кабардинский, Навагинский пехотные и Нижегородский драгунский), тем частям, которые именовались на Кавказе, причем с изрядной долей презрения, «российскими», то есть попавшими в регион лишь на небольшой период. Сторонние наблюдатели считали такое положение дел диким, ведь все подразделения относились к одной Российской императорской армии. Тем не менее, оно фактически имело статус традиции, причем далеко не лучшей, так как «кавказские» полки обычно не считали себя обязанными приходить на выручку «российским», если те попадали в тяжелое положение. При этом помощь своим «кунакам»-кавказцам почиталась святым делом.

Один из ярких примеров подобного положения описан А.М. Дондуковым-Корсаковым: «...То обособление, в котором находилась тогда Кавказская армия, заставляло кавказцев, совершенно неосновательно и частью несправедливо, с презрением смотреть на все войска, приходившие из России, и на всех лиц, не принадлежащих кавказской семье и приезжавших временно в кавказские экспедиции. Неопытность войск, пришедших из России (в то время командирован был на усиление 5-й корпус), незнание ими условий тогдашней войны и хозяйственного быта полков, а также характера туземцев, ставили войска эти в самые неблагоприятные условия, подвергавшие их несравненно большим лишениям, чем обжившихся в этом крае кавказцев. В делах военных весьма понятная неопытность этих войск подвергала их также потерям и неудачам, которых кавказские полки умели осторожно и ловко избегать. Все это обращалось к несправедливому мнению кавказцев о достоинствах пришедших войск. На место должного сочувствия, "российские войска", как их тогда называли, принимались были, ежели не враждебно, то во всяком случае равнодушно и безучастно. Я был свидетелем во время Даргинской экспедиции возмутительного факта. Раненый, я пробирался по чаще леса 16 июля, при следовании из Дарго в Герзель-аул нашего отряда, и видел, как одна рота кабардинской цепи, предполагаемой в этом месте, на которую в то время бросились в шашки чеченцы, и как кабардинский унтер-офицер, вскочивши на заваленное дерево в лесу, закричал бежавшим в гору утомленным товарищам: "Легче шаг, ребята, это не наши родные куринцы, а российские". В то время в цепи находилась случайно рота Замостского егерского полка (5-го корпуса), которую, впрочем, тут же с одушевлением выручали кабардинцы. Весьма ясно, насколько это отчасти понятное, но никак не могущее быть оправ-

Савельев Александр Евгеньевич — кандидат исторических наук. Кубанский государственный университет. Краснодар.

даным, отношение кавказцев к пришедшему из России 5-му корпусу действовало на дух этих войск и насколько глубоко этим огорчился достойный командир 5-го корпуса генерал-адъютант А.Н. Лидерс»¹.

Из этого примера ясно видно, что на Кавказе принадлежность к определенному полку и неформальные, но устоявшиеся и неизбежные в специфических условиях местных военных действий, традиции значили намного больше, чем устав и законы. Один офицер, прибывший служить на Кавказ из состава корпуса, осуществлявшего оккупационные функции во Франции, с горечью вспоминал, что командир кавказского полка называл его и других подобных офицеров «белоручками, французами»². Когда во время Даргинского похода М.С. Воронцов приказал генералу И.М. Лабинцеву взять под командование «русские» батальоны, тот раздраженный ответил: «Что вы, ваше сиятельство, дали мне эту кучу милиции?»³.

Существовало много причин, обуславливавших негативное отношение «кавказских» и «русских» полков друг к другу. Ведь даже внешний вид их солдат резко отличался. Как известно, по многим причинам кавказцам было свойственно вольное отношение к внешнему виду. Предписанное уставами обмундирование они носили разве что на парадах, да и то неохотно. Разумеется, такое положение дел шокировало офицеров, прибывавших из частей, расквартированных во внутренних губерниях, а тем более из гвардейских соединений, которые привыкли оценивать войска по их внешнему виду. При этом удивление и раздражение приезжих вызывали не только нижние чины Отдельного Кавказского корпуса, и его офицерский состав. Вот что пишет опытный кавказский офицер Э.В. Бриммер о встрече с И.Ф. Паскевичем и сопровождавшими его флигель-адъютантами. Первой реакцией нового главнокомандующего был вопрос: «Это что за костюм?» Как вспоминает сам Эдуард Владимирович: «Я был в сюртуке, спереди на поясе кинжал, через плечо шашка, а за поясом сзади заряженный пистолет». Кавказец постарался объяснить собеседникам реалии местной жизни: «Здесь господа офицеры всегда так ходят, чтобы в случае нужды не быть простыми зрителями, а принять участие в битве»⁴. Впрочем, и сам Бриммер был удивлен внешним видом тех, с кем говорил: «Мне пришла мысль, что, вероятно, Кавказ на хребте своем первый раз видит генерала и флигель-адъютантов при шпагах. Ведь мы на Кавказе шпаг не носили — у нас все сабли турецкие, персидские кривые или шашки горские; от шпаг отвыкли — на что они годны? Разве шашлык на них жарить?»⁵.

А если наблюдатель имел возможность видеть «русские» и «кавказские» полки одновременно, то различие получалось поистине поразительным. Вот как Бриммер изложил свои впечатления от невольного «парада», который устроили части Сводно-Гвардейского и Ширванского полков, одновременно подошедших к Тифлису в 1826 г.: «Можно представить себе контраст: гвардейский полк при вступлении в город был одет в мундиры, со всевозможной опрятностью, а за ним два батальона Ширванского полка в походной форме, то есть в шинелях, вместо ранцев — кавказские мешочки через плечо, в фуражках; у офицеров вместо шпаг шашки»⁶.

Однако, одним внешним видом различия не ограничивались. «Русские» соединения оказывались совершенно неготовыми к военным действиям в кавказских условиях. Вообще, офицеры Отдельного Кавказского корпуса полагали, что полки, расквартированные во внутренних губерниях Российской империи, «готовились только к смотрам»⁷, а их командиры «были до того опутаны формализмом, что искренне сочувствовали знаменитым словам *la guerre la soldat*»⁸. Не удивительно, что «в прибывших из России войсках болезни и смертность были в больших размерах и не только от климата, но и от образа жизни, лишений и скуки, так присущих кавказскому войску, а потом в этом старом ермоловском войске если и была убыль, то сравнительно менее: оно было бодрее и на все пригоднее»⁹. Действительно, авторы мемуаров отмечали, например, следующее: «Пока русских пришельцев соберут и укажут, где и как рубить, что брать в ауле и что не брать, кавказец уже закусил и соснул у костра. Зато как резко выказывалась находчивость кавказского солдата, когда случилось видеть его рядом с войсками, вновь прибывшими из России и не свыкшимися со здешним бытом»¹⁰. Не меньшее значение имели также и неопытность командиров прибывавших из России частей, и отсутствие у них умения правильно организовать повседневную службу подчиненных: «Надобно признать, что войска 15-й дивизии, независимо от неопытности в новом для них крае, отличались крайней нечистотою в

лагере и равнодушием к мерам сбережения нижних чинов. Работы шли плохо, а учения продолжались в тропическую жару, несмотря на запрещение, какая-то апатия была видна на всех лицах...¹¹. При этом кавказское начальство ничего не делало, чтобы изменить такое положение дел: «Все войска его корпуса (5-го пехотного корпуса Лидерса. — А.С.), по полкам, батальонам, ротам были разобраны по всему Кавказу, в распоряжение местных кордонных начальников, и их ближайшие начальники могли только заботиться об их хозяйственном благоустройстве, да и то по мере возможности и с согласия кордонного начальника, который ни за благосостояние, ни за образование, ни за сбережение войск не отвечает. Трудно вообразить себе что-либо более аномальное. Войска, конечно, терпели, особенно при общей неопытности в крае новом и своеобразном»¹².

С другой стороны, уже упоминавшиеся «кавказские» полки действительно обладали отменной выучкой и огромным опытом, отлично зная местные условия. Они высоко ценились командованием Кавказского корпуса. Ни один из эпизодов военных действий не проходил без участия подразделений хотя бы одного из этих полков¹³. К примеру, откомандирование в Дагестан всего лишь одного батальона Кабардинского полка поставило под вопрос организацию похода в Чечню в 1841 году¹⁴. Во время морского десанта в районе форта Лазарев соединения указанных полков первыми высаживались на берег и прикрывали высадку остальных¹⁵. В ходе Даргинской экспедиции 1845 г. боевые навыки и мужество солдат этих полков несколько раз спасали отряд князя Воронцова от полного уничтожения¹⁶. Не случайно, в письме князю Барятинскому от 25 ноября 1846 г., предлагая тому должность командира Кабардинского полка, Воронцов писал: «...полки Кабардинский и Куринский, даже в глазах их соперников, издавна считаются в ряду первых и, само собой, весьма важно, чтобы столь почетная известность сохранилась за ними, и потому назначение им командиров не должно быть делом случая...»¹⁷. Горцы считали солдат Куринского и Кабардинского полков, называемых ими «кара-солдатами», то есть «черными солдатами» (из-за черных околышей фуражек, которые те носили), самыми опасными своими врагами. Нижние чины других пехотных полков носили фуражки с красными околышами и получили прозвище «кизил-солдаты» — «красные солдаты». Они считались куда менее грозными противниками, даже солдаты Апшеронского Навагинского и Тенгинского полков.

Справедливо относя себя к элите Кавказского корпуса, военнослужащие Куринского и Кабардинского полков невольно предъявляли столь же высокие требования к прибывавшим на Кавказ «русским» частям. Вполне закономерные же неудачи этих войск, вызванные незнанием как театра военных действий, так и противника, крайне раздражали и возмущали «кавказцев». Например, 16–17 августа 1827 г., в бою под Аштарлаком участвовал отряд, составленный из подразделений 20-й пехотной дивизии под командованием генерал-лейтенанта А.Ф. Красовского. Ему удалось снять осаду с Эчмиадзинского монастыря, но потери были очень велики — 24 офицера и 1130 нижних чинов¹⁸. Кавказские офицеры вынесли по этому поводу однозначное суждение: «Господа, с кавказскими войсками этого бы не случилось; 20-ая дивизия не привычна еще. Если бы у Красовского был капитан со своею ротой хоть Ширванского полка или другого из Кавказских полков, он бы прямо пошел на эту большую батарею — и дело было бы кончено; а дали оглядываться персиянам — и пришлось постыдно отступить»¹⁹.

Осознав полную непригодность «русских» полков для самостоятельных военных действий на Кавказе, командование стало посылать в экспедиции отряды смешанного состава, где одновременно были и «русские», и «кавказские» части. В этом случае разница между ними была заметна еще более разительно. У «русских» отсутствовали элементарные знания о тактике действий в горных условиях, например, что здесь главные опасности подстерегали войска не в атаке, а во время отступления²⁰. Иногда происходили и курьезные случаи. Так, в одной из экспедиций передовая цепь Московского полка (считавшегося «русским»), занимавшая холм, ночью была встревожена странным шумом из соседнего леса. То же самое слышали и на другом холме, где стояли карабинеры одного из кавказских полков, но их капитан отреагировал обычным в подобных случаях способом — отправил на разведку группу из десяти солдат во главе с унтер-офицером. Они и обнаружили источник шума — заблудившихся корову

с теленком, которых и привели в лагерь, после чего ночь для кавказцев прошла спокойно, в то время как московцы провели ее в возбужденном состоянии, а потом их еще долго изводили насмешками. Рассказавший данный эпизод Бриммер отметил: «Это показывает навык кавказских войск к боевой жизни во время горных экспедиций и непривычных к тому гостей наших»²¹.

Следует отметить, что кавказские офицеры продолжали относиться с недоверием к боевым качествам «русских» частей до самого конца Кавказской войны. Описывая действия отряда полковника Баженова во время осады аула Ведено в 1859 г., Н.А. Волконский писал: «Дружину составляли: третий батальон лейб-эриванского полка, второй белевского (этот будет, наверно, работать, а тот драться или прикрывать работы) и две стрелковые роты (эти будут, как Бог свят, в охране полковника Баженова и в цепи, ... ведь свои не чужие)»²². То есть личный состав «русского» батальона (из состава Белевского полка) предназначался для землекопных работ, в то время как «кавказские» части непосредственно сражались с горцами.

Любопытно, что при немногочисленных похвальных отзывах о действиях «русских» войск, кавказские офицеры всегда указывали конкретную часть, в то время как негативные отзывы имели общую направленность. Пример положительной оценки: «Во главе шел 1-й батальон Литовского егерского полка, утративший свое знамя в польской кампании и долженствовавший здесь и теперь себя реабилитировать; за ним следовали две роты 3-го батальона куринцев, которые должны были поддерживать его (морально) и внушать ему необходимое для восстановления своей утраченной чести мужество. Литовцы молодцами смыли свое бесчестие, и едва только четвертая часть их уцелела за эту экспедицию, но позор был смыт, и новое знамя, добытое ценою пролитой ими в Ичкерии крови, было им вручено взамен утраченного при Вовре»²³. А вот более обычная для кавказских офицеров отрицательная характеристика действий «русских» подразделений: «Батальоны пятого корпуса, шедшие в той же цели и в авангарде, не раз останавливались перед завалами до тех пор, пока куринские офицеры, вызывая из них охотников и бросаясь с ними на приступ, не овладевали теми завалами»²⁴. А ведь оба автора этих строк служили в одном и том же Куринском егерском полку, писали об одном и том же «русском» соединении — Литовском егерском и об одних и тех же событиях — Даргинской экспедиции.

Впрочем, в привычке кавказцев разделять сослуживцев по Отдельному Кавказскому корпусу на «своих» и «чужих» была та особенность, что когда из пришедших батальонов стали формировать новые полки для постоянной службы на Кавказе, то их сразу же перестали воспринимать как «пришлых»: «Странно, что с той минуты, как те же люди и те же офицеры надели кавказский мундир, они немедленно сошлись с кавказской военной семьей и пользовались, скажу, даже особою заботливостью и сочувствием старых кавказцев, как старших братьев своих»²⁵.

Но вообще, если о «русских» войсках и говорили с уважением, то в основном как раз те офицеры, которые там и служили. Можно взять, к примеру, воспоминания В.А. Бельгарда. Он имел уже некоторый кавказский опыт, потом служил на внутренней территории России, но затем получил должность командира Прагского полка, отправлявшегося на Кавказ. В мемуарах он писал: «Солдаты наши вообще превосходны, и после нескольких дел я уже не замечал большой разницы между старыми кавказскими полками и моим, пришедшим из России»²⁶. Правда, следует отметить, что еще на предыдущей странице своих воспоминаний он признавался в совсем других настроениях в тот момент, когда узнал о новом назначении: «Уж если возвращаться на Кавказ, то я всегда мог опять перейти в один из старых кавказских полков, которые знал и где меня еще помнили, — что, конечно, было гораздо приятнее, чем являться с новичками, не имевших понятия о тамошней войне»²⁷. Заметно более критически настроен был Дондуков-Корсаков, который писал: «Неопытность войск, пришедших из России (в то время командирован был на усиление 5-й корпус), незнание ими условий тогдашней войны и хозяйственного быта полков, а также характера туземцев, ставили войска эти в самые неблагоприятные условия, подвергавшие их несравненно большим лишениям, чем обжившихся в крае кавказцев. В делах военных весьма понятная неопытность этих войск подвергала их также потерям и неудачам, которые кавказские полки умели осторожно и ловко избегать. Все это обращалось к несправедливому мнению кавказцев о достоинствах пришедших войск»²⁸.

Наиболее объективно на предмет сравнения эффективности «кавказских» и «русских» полков высказался кавказский офицер М.Я. Ольшевский: «Нет сомнения, что кавказцы были сметливей, расторопнее, ловчее, находчивее в войне с горцами. Нельзя отвергать того, что они были привычны к совершению больших походов, в особенности по горам, и перенесению трудов и лишений. Но нельзя согласиться с тем, чтобы кавказский солдат был мужественнее, неустрашимее, храбрее. Если же случалось, например, попадать впросак люблинцу или белевцу чаще куринца или ширванца, то это приписать нужно неопытности, нерасторопности и нераспорядительности офицеров первых. Следует отчасти винить в этом и кавказское начальство, которое не всегда умело направлять надлежащим образом войска, прибывавшие из внутри империи, а иногда не поощряло их наградами по заслугам. А это возбуждало ропот недовольствия, доводивший иной раз до вредных последствий в общем деле. Часто вредили общему делу зависть и интриги»²⁹.

Таким образом, «русские» полки, посланные на Кавказ для усиления Отдельного Кавказского корпуса, неожиданно для себя сталкивались не только с неизвестными особенностями нового театра военных действий и опасным врагом, но и с негативным, часто презрительным, а иногда даже враждебным отношением «кавказских» частей. В первую очередь это было связано с резко отличающимся их внешним видом, неумением «пришлых» воевать и устраивать быт в горных условиях, а также с недостатками подготовки личного и командного состава.

Примечания

1. ДОНДУКОВ-КОРСАКОВ А.М. Мои воспоминания. 1845—1846. В кн.: Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. СПб. 2000, с. 416.
2. СЛАВСКИЙ. Воспоминания и рассказы старого Кавказского воина. — Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений. 1849. Т. 77, с. 12.
3. ФИЛИПСОН Г.И. Воспоминания. 1837—1847. В кн.: Осада Кавказа..., с. 171.
4. БРИММЕР Э.В. Записки генерала от артиллерии Эдуарда Владимировича Бриммера. 1815—1874 г. Тифлис. 1894. Вып. 1, с. 163.
5. Там же, с. 165.
6. Там же, с. 173.
7. БЕНКЕНДОРФ К.К. Воспоминания. 1845. В кн.: Осада Кавказа..., с. 370.
8. ФИЛИПСОН Г.И. Воспоминания. 1837—1847. В кн.: Осада Кавказа..., с. 146—147.
9. АНДРЕЕВ В. Воспоминания из Кавказской старины. — Кавказский сборник. Тифлис. 1876. Т. 1, с. 5.
10. ВОЛКОНСКИЙ Н.А. Лезгинская экспедиция (В Дидойское общество) в 1857 году. — Кавказский сборник. Тифлис. 1877. Т. 2, с. 376.
11. ФИЛИПСОН Г.И. Ук. соч., с. 160.
12. Там же, с. 171.
13. ВОЛКОНСКИЙ Н.А. Окончательное покорение Восточного Кавказа (1859-й год). — Кавказский сборник. Т. 4, с. 102, 137—138.
14. Российский государственный военно-исторический архив, ф. 13454, оп. 6, д. 267, л. 18.
15. Там же, л. 29; Российский государственный архив Военно-морского флота, ф. 19, оп. 2, д. 209, л. 25.
16. ГОРЧАКОВ Н. Экспедиция в Дарго (1845 г.). Из дневника офицера Куринского полка. — Кавказский сборник. Тифлис. 1877. Т. 2, с. 137.
17. ЗИССЕРМАН А.Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815—1879. М. 1890. Т. 1, с. 49.
18. ПОТТО В.А. Кавказская война. Ставрополь. 1993. Т. 3, с. 375—393.
19. БРИММЕР Э.В. Ук. соч. Вып. 2, с. 27.
20. Там же.
21. Там же, с. 135.
22. ВОЛКОНСКИЙ Н.А. Окончательное покорение восточного Кавказа, с. 135.
23. БЕНКЕНДОРФ К.К. Ук. соч., с. 385.
24. ГОРЧАКОВ Н. Ук. соч., с. 135.
25. ДОНДУКОВ-КОРСАКОВ А.М. Ук. соч., с. 417.
26. БЕЛЬГАРД В.А. Автобиографические воспоминания Валериана Александровича Бельгарда. СПб. 1899, с. 44.
27. Там же, с. 43.
28. ДОНДУКОВ-КОРСАКОВ А.М. Ук. соч., с. 415.
29. ОЛЬШЕВСКИЙ М.Я. Записки М.Я. Ольшевского. — Русская старина. 1894. Т. 82, с. 94—95.